

Ф.С.Баязитова (Казань)

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ТАТАРСКОГО И УДМУРТСКОГО ЯЗЫКОВ
В ГОВОРАХ ПРИЧЕПЕЦКИХ ТАТАР

Говоры причепецких, т.е. каринских и глазовских, татар являются одним из своеобразных территориальных вариантов татарского языка. Носители этого говора примерно с XIV в. живут изолированно от основной массы татар Поволжья – среди неродственных в языковом отношении народов: русских, удмуртов и бесермян. Важнейшие особенности этого говора известны в татарской диалектологии еще по ранее опубликованным работам (Валиди 1930: 135–144; Бурганова 1962: 19–56); исследованиями же последних лет (благодаря применению метода лингвистической географии) получены новые данные, значительно расширяющие прежние представления об этом говоре, о его особенностях и закономерностях их распространения.

На этой территории, наряду с общими для всего причепецкого говора признаками, имеются и такие языковые явления, которые характерны в основном для определенной группы населенных пунктов. Обобщение изоглосс этих явлений позволяет выделить ареалы следующих трех подговоров: 1) нукратского, распространенного в татарских деревнях Слободского района Кировской области (устье р.Вятки); 2) кестымского, объединяющего татарские деревни верхочепецкого ареала – Кестым, Падера, Биктеш, Ахмади Балезинского и Тат. Парзи Глазовского районов; 3) юкаменского, где имеются специфические языковые черты, а в обрядах много общего с обрядами бесермян. Особенно они заметны в отдельных населенных пунктах, например, в Татарских Ключах (Тегерман авыл), Засеково (Дасис), Иманай, Починки (Пучинкэ), Гордино (Гурья-Кала) и др., где совместно с татарами-мусульманами проживают бесермяне-христиане, которые здесь называются кряшенами. Как известно, в конце ХУП и начале ХУШ вв. часть бесермян была обращена в христи-

анство. Однако христианизация бесермян не была успешной. В результате у бесермян, исповедовавших ислам, шло этническое сближение с татарами, а бесермяне-христиане сблизились с удмуртским этносом (Исхаков 1980: 37-40). По мнению исследователей, основная часть бесермян вошла в этнический состав казанских татар (Тепляшина 1970: 242; Закиев 1977: 172). Следы этнического включения бесермян сохранились в материальной и духовной культуре не только чепецких, но и других групп казанских татар. Интересные аналоги находят этнографы в традиционной женской одежде, особенно в головных уборах, в терминах родства, в обрядах и верованиях бесермян, чепецких татар и татар-кряшен (Мухамедова 1978: 11).

Жители вышеуказанных населенных пунктов юкаменской группы двуязычны, т.е. бесермяне умеют говорить по-татарски, а татары - по-бесермянски. Юкаменский подговор выделяется следующими признаками:

1. Гласные ê, э для этого подговора являются малохарактерными. Редкие случаи употребления их отмечаются лишь в отдельных деревнях (например, Ворца, Палагай, Гордино): бикêчêй "золотка", бикêм "старшая сестра мужа".

2. Глубокозадняязычные (увулярные) к, г, х для фонетической системы юкаменского подговора не свойственны. Эти звуки (как и в мишарском диалекте) передаются задняязычными к, г, х: кар вм. қар "снег", сагат вм. сәғәт "часы". Лишь в отдельных деревнях (например, Б.Палагай, Гордино и др.) наблюдается параллельное употребление к//к, г//г, х//х: кыз//кыз "дочь".

3. Замена передняязычных гласных задняязычными парами в этом подговоре носит более систематический характер:

а) э > а: там вм. тәм "вкус", айбыр вм. әйбер "вещь", наста вм. нәстә "что", мактап вм. мәктәп "школа";

б) э (е) > ы: кым вм. кем "кто", ыл'ык вм. элек "раньше", кыкына вм. кечкенә "маленький";

в) е > о: йогормо оч вм. йегерме өч "двадцать три", кон вм. көн "день", тон вм. төн "ночь", корпа вм. көрпә "отруби";

г) ү > у: кур вм. күр "видеть", тубан вм. түбән "нижний", угыз вм. үгез "бык", кукай вм. күкәй "яйцо".

4. Палатализация согласных отмечается более часто, чем в

других подговорах: Л'амига (имя собств.), ал'а кайда в.м. элле кайда "где-то", каз т'ут'у "гусенок", инт'ирнат "интернат", ыл'ык// элек "раньше".

5. Встречается параллельное употребление й//ж в начале слов: йылы//жылы "тепло", йил//жил "ветер", йерек//жорак "сердце", йанагай//жанагай "младший брат мужа".

6. Употребление н вместо ң в конце слов и слогов представляет собой в этом подговоре характерное явление: тыннаш в.м. тынна (орф. тында) "слушай", тунам в.м. туңам "мерзну", ун йак в.м. ун йак "правая сторона".

7. Одной из характерных особенностей юкаменского подговора является образование исходного падежа с двойным аффиксом -дантын/-дәnten: кечкенәдәnten арча ирәндәк (М.Венеж) "с малых лет научились говорить по-удмуртски"; йырактантын айбат курам, йакындантын курмим инды (Починки) "издалека вижу хорошо, с близкого расстояния уже не вижу"; Казандантын килгәннәр (Засеково) "они приехали из Казани".

Татарская речь бесермян-кряшен во многом близка к юкаменскому подговору. В то же время в ней имеются специфические черты, отличающие ее от говора соседнего татарского населения. Как показывает анализ магнитофонных записей, к значительным из этих особенностей относятся:

1. Отсутствие в речи бесермян-кряшен переднерядных гласных, за исключением гласного и: айта в.м. әйтә "говорит", айбыр в.м. әйбер "вещь", корпа в.м. кәрпә "отруби", бутан в.м. бүтән "другой", йорак в.м. йөрәк "сердце".

2. Нарушение гармонии гласных по твердости и мягкости, носящее регулярный характер: икы в.м. ике "два", жиды в.м. жиде "семь", бал'иш в.м. бәләш "пирог", сийына в.м. сөйенә "радуется", абилар в.м. әбиләр "бабушки".

3. Случаи стяжения -ау, в -оу/-у: бозоу/бозу в.м. бозау "теленок", короу в.м. кырау "заморозки", ашоу/ашу в.м. ашау "еда", чолгоу/чолгу в.м. чолгау "портянка".

4. Звук к - заднеязычный твердый согласный: кукай в.м. күкәй "яйцо", кор/кыр в.м. кыр "поле", кырбан в.м. корбан "жертвоприношение".

5. Активное употребление сильно палатализованного л': кыл'

вм. көл "зола", ыл'ык вм. элек "раньше", кул'мак вм. күлмәк "платье", кад'ага "брюква", ыл'ыш вм. елеш "доля", ышл'амага вм. эшләргә "работать", ыл'гыл'агандә вм. элгәләгәндә "развешанный", мил'л'ык вм. миллек "веник для бани", кил'ап вм. киләп "моток", Гул'бикә вм. Гелбикә (имя собств.).

6. В начале следующей группы слов сильно смягченный, палатализованный т' (т'^ч) появляется на месте ч литературного языка; т'ишмә вм. чишмә "родник", т'аршу/т'аршоу вм. чаршау "занавеска", т'ашка вм. чашка "чашка". Имеются также случаи произношения: ат'и вм. эти "отец, папа", инт'ирнат вм. интернат.

В лексике в настоящее время имеется определенное количество удмуртских и русских слов, а также некоторые древнетюркские слова, которые находят параллели в других диалектах татарского языка. Особенно часто наблюдается это в названиях одежды, в терминах родства, в названиях предметов домашнего обихода, хозяйственной деятельности, в названиях растений и животных и т.д. Например, некоторые названия одежды: кашпу/каспу "головной убор замужней женщины" (кашбау (< каш "брови" и бау "завязка, тесьма") употребляется в подберезинском и заказанском говорах кряшен (Баязитова 1986: 145), кашпау/кашмау - в мишарских говорах (Мухамедова 1959: 228), кашмау - у башкир (Руденко 1955: 190), хушпу - у чувашей); чул'ык/чул'ук (< удм. сюлык "старинный женский головной убор в виде платка с бахромой" (ближайший его аналог имеется у группы крещеных татар под названием түгәрәк жаулык, букв. "круглый платок", хотя сам платок четырехугольной формы; в группе елабужских кряшен имеется слово чукул, возможно, метатезированный вариант от бесермянского чул'ык, который обозначает часть головного убора сороки); бут'мар/пут'мар "перевязь, женское нагрудное украшение, лента, на которую нашивали в три-четыре ряда серебряные монеты, украшение надевали через плечо" (у южных удмуртов и бесермян слово бут'мар обозначает то же самое украшение, что и в татарских говорах (Белицер 1951: 78); в елабужском говоре кряшен - мыйт'умар/бут'умар/бут'мар; в пакшинском подговоре Заказанья - буйдымар; в вариантах бут'мар/пут'мар/пут'емар это слово употребляется в говорах мишарского диалекта).

Названия предметов домашнего обихода, хозяйственной дея-

тельности: пэтери (< удм. патра, диал. петра) "чердак", ут-лык/чиду⁰н (< удм. пудо сьдон) "ясли, кормушка для скота", азбар/йылабзар/куржит (< удм. курег гид) "хлев", пуйы (< удм.) "ламповое стекло", гелбэч (< рус. голбец, удм. гулбеч) "подпол", даска́ (< рус. доска) вм. куна тактасы "кухонная доска" и др.

Названия растений: пугриж (< удм. огреч) вм. кыяр "огурец"; пу⁰т (< удм. пот) "лебеда": ак пу⁰т вм. ак алабута "белая лебеда", кара пу⁰т вм. кара алабута "черная лебеда"; гомо (< удм. гумы) "растение с полым стеблем": йонно гомо "купырь лесной", ангыра гомо "болиголов"; быры (< удм. боры) вм. жир жилэге "клубника"; геби (< удм. губи) "гриб, грибы".

Названия животных и насекомых: папа (< удм.) вм. кубэлэк "бабочка", кошо (< удм. кошо) вм. саескан "сорока", чунэри/чурэни (< удм. чонари) вм. үрмэкуч "паук", кара залкэ (< удм. зиллёкей) вм. сьерчык "скворец" и др.

В топонимии татарских и татарско-бесермянских населенных пунктов имеется значительное количество географических названий, которые легко этимологизируются на основе фактов удмуртского и татарского языков. Это объясняется не только простым заимствованием, но и длительными и интенсивными контактами носителей этих языков. Удмуртские слова участвуют в образовании микропонимов, напр., названий полей: ачкан'ук, кат'кыз, суганбыр; оврагов: гундырлут чокор, гондыр аджон, лепет'ешур, сорот, кондур и др.; лесов: карийол урман, душко урман, йыбык урман и др.

Термины календарных обрядов и народных верований. В традиционных календарных обычаях и обрядах причепецких татар, а также бесермян, удмуртов и русских наблюдается много общего. Особенно выделяется юкаменская группа, где произошло наибольшее смешение с бесермянами:

божо йачкалау "наряжаться, делать маскарад" (ср. удм. вожо "божество страха и привидений", вожодыр "святки");

вирба́, вирба́ чыбык - древнеславянский праздник: в этот день приносили пушистые ветви вербы, ими хлестали детей. Вербный праздник под названием бэрманчек имеется у крещеных татар, вэрми/вирба́ - у татар-мишарей Пензенской области;

сабан ту/сабан туй – весенний праздник. Сабантуй праздновали в основном в деревнях Базезинского района. Бесермяне-мусульмане и татары праздновали сабан туй, а бесермяне-христиане – акашку; однако эти праздники проводились совместно, т.е. с участием обеих групп населения;

акашкá (< удм. акашкá, акашка) – праздник перед весенним севом. Акашку праздновали бесермяне и татары юкаменской группы. Такого же типа праздник ага пайрам, связанный с земледелием и скотоводством, праздновали и горные маришцы вплоть до XX в. Ср. у чувашей акатуй, акашки – празднество по случаю окончания весеннего сева. Исследователи удмуртского языка слово акашка рассматривают как болгаризм (Тараканов 1982: 39);

гырбыр (< удм. гербер) – праздник в честь окончания сева яровых; празднуют бесермяне-кряшены: Гырбыр йиткач ипый был'а чыгалар, урытын гына чыккаладлар, узе чимийасы была чыга. "Когда настанет день гырбыр, выходят на поле с хлебом, каждый со своим хлебом выходил";

питрувкá (рус. петров день) – празднуют бесермяне-кряшены: Ийык чакта кырга барырлар ийы питрувкада, май была майларлар ийы ашлы'ны, наста айтмага быллим. Алтын кыбык ашлыгы булсын, камыш кыбык саламы булсын, дип. Сонгра пычанга тышасы була. "Раньше в петров день выходили в поле, маслом мазали хлеба. Что говорили, не знаю. Пусть зерна будут как золото, пусть солома будет как камыш, говорили. Потом начинался сенокос";

кырбан – общее моление с жертвоприношением, проводилось у татар и бесермян. Кроме того, имелись частные жертвоприношения: ий байына кырбан "жертвоприношение хозяину дома", гид байына кырбан "жертвоприношение хозяину хлеба".

В речи татар и бесермян юкаменской группы употребляются некоторые древнетюркские слова, которые находят параллели в других татарских говорах. Например, слово тау "благодарность, спасибо". Это слово вошло и в удмуртский литературный язык. Слово тау, тау иту в значении "поблагодарить, сказать спасибо" в настоящее время активно употребляется в говорах крещеных татар, особенно в фольклоре. Имеются специальные песни "тау иту жырлары". А в говоре подберезинских кряшен слово тау употребляется и в разговорной речи: ейрәтеүчегә тау ит "поблагодари сво-

его учителя", тау итеүчән "благодарный", тау итмей торган "неблагодарный". В мензелинском говоре это выражение сохранилось только в поговорке: Авыз итсән, тау ит "Если попробовал [еду, угощение], скажи спасибо". Из соседних с татарами народов, кроме как в языке удмуртов (и бесермян), слово тав употребляют в своей речи чуваша. По мнению исследователей, слово тау - древнекыпчакское, оно имеется и в караимском - табу "благодарность" (Ахметьянов 1981: 92).

В значении "молочные продукты" записано слово ак, напр.: Гид байы чын да суйарлыр ыйы кырбан, сын кайбан гитта тытабыз ич аг ычын "Для хозяина хлева приносят жертву, ведь скотину держим в хлеву ради молочных продуктов". В других татарских говорах слово ак в значении "молочные продукты" зафиксировано в мензелинском говоре, а в прочих тюркских языках - в словарях киргизского и туркменского языков.

Причепецкие говоры татарского языка характеризуются наличием значительного количества отличительных признаков, относящихся ко всем уровням языка. В формировании своеобразных черт этих говоров определенную роль сыграли соседние удмуртские диалекты (Кельмаков 1987: 26-51), с носителями которых тюркское население причепецкого ареала имеет тесную связь с болгарских времен. Дальнейшее изучение данного говора представляет научный интерес для исследования процессов взаимовлияния языков в условиях территориального смешения.